

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

Хрусталёв Вячеслав Константинович

**СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАК
ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В РИМСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ В 78-49 ГГ. ДО Н.Э.**

специальность 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2013

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Научный руководитель: доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Кудрявцева Татьяна Владимировна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»

Циркин Юлий Беркович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древней Греции и Рима ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Вержбицкий Константин Викторович

Ведущая организация: Институт всеобщей истории РАН

Защита состоится «24» декабря 2013 года в __ ч. __ мин. на заседании Совета Д.002.200.01, созданного на базе Санкт-Петербургского института истории РАН, по адресу: 197110, г. Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д.7.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН.

Автореферат разослан «___» ноября 2013 г.

Учёный секретарь Диссертационного совета

кандидат исторических наук

П.В. Крылов

римского государства (это, прежде всего, законодательство по делам о подкупе избирателей, о вымогательстве, о насильственных действиях и об оскорблении величия);

- X анализ конкретных обстоятельств некоторых, наиболее значимых с политической точки зрения судебных процессов по обвинению в оскорблении величия (*de maiestate*), представляющих собой яркие образцы использования уголовного суда в политических целях.

Хронологические рамки исследования ограничиваются примерно тремя десятилетиями – периодом с 78 по 49 гг. до н.э. В 78 г. до н.э. умер диктатор Луций Корнелий Сулла; и хотя он ещё годом ранее сложил с себя полномочия и удалился в частную жизнь, влияние его на политику сохранялось. Лишь после смерти Суллы вновь открыто поднимает голову безжалостно подавленная диктатором оппозиция его курсу. Разворачивается ожесточённая политическая борьба, в которой немалую роль играют и уголовные суды. 49 г. до н.э. – это год начала очередной гражданской войны в Риме, на сей раз между Цезарем и Помпеем. Обычная политическая жизнь в Республике замирает: важнейшие политические вопросы решаются теперь не на Форуме или в сенате, а на полях сражений. Соответственно, также прекращается нормальное уголовное судопроизводство.

Географические рамки исследования охватывают всю территорию Римской державы в указанный период, но в первую очередь, конечно, нас интересуют события в самом городе Риме, в котором, собственно, и функционировали уголовные суды.

Методологическая база исследования. Методологической основой данного исследования являются принцип историзма и системный подход, подразумевающий изучение явлений в их целостности, в их взаимосвязи с другими явлениями, в их развитии. При исследовании политической борьбы в рамках рассматриваемого периода обосновано также использование просопографического метода, подразумевающего рассмотрение проблемы римских политических группировок с точки зрения личных связей, основанных на отношениях родства, дружбы, клиентелы и т.п., взаимных услуг и обязательств. Интерес для нас представляют также методы и подходы, разработанные в рамках интеллектуальной истории. Они позволяют учитывать специфику римского общественного сознания, влияние традиционной идеологии и её модификаций на политическую борьбу и используемые в ней политические технологии, варианты восприятия и интерпретаций явлений политической жизни представителями различных политических сил.

Источниковая база исследования. Настоящее диссертационное исследование базируется на обширном корпусе исторических источников. Нужно отметить, что, в отличие от многих других периодов античной истории, I в. до н.э. сравнительно хорошо освещён в источниках. При этом особенно важно, что мы располагаем не только информацией, которую

сообщают позднейшие авторы, но и прямыми свидетельствами современников. Безусловно, на первое место по своему значению для разработки поставленных проблем необходимо поставить многочисленные произведения Марка Туллия Цицерона (106-43 гг. до н.э.) – политического деятеля, философа и, что для нас особенно важно, опытного судебного оратора. Полностью сохранились 58 судебных и политических речей Цицерона. Ещё 17 дошли во фрагментах, иногда довольно значительных по объёму¹. Судебные речи Цицерона являются единственным уцелевшим памятником судебного красноречия, относящимся к периоду Поздней республики.

Помимо речей, огромное значение для нас имеет сохранившаяся переписка Цицерона с братом Квинтом, Титом Помпонием Аттником и ещё рядом лиц, охватывающая период с 67 по 43 гг. до н.э. В письмах Цицерон куда откровеннее, чем в речах, так что в целом они должны считаться более аутентичным источником.

Кроме того, перу Цицерона принадлежит несколько трактатов по ораторскому искусству («Orator», «De oratore», «Brutus»), которые содержат весьма ценные сведения об истории развития римского красноречия и об отдельных судебных процессах. Необходимо назвать также некоторые философские произведения Цицерона – «О государстве» («De re publica»), «Об обязанностях» («De officiis»), «О законах» («De legibus») и др.

Чрезвычайно важны для исследования данной темы такие, сравнительно редко привлекаемые отечественными исследователями произведения как схолии (комментарии исторического и филологического характера) к речам Цицерона. На первое место среди них следует поставить учёный труд Квинта Аскония Педиана, датируемый 54-57 гг. н.э., который содержит комментарий к пяти речам. Меньшую ценность имеет ряд сохранившихся позднеантичных комментариев, составленных в IV-V вв. н.э. (Псевдо-Асконий, схолиаст из Боббио и др.).

Интересную информацию о судебной теории и практике содержат римские учебники по ораторскому искусству. До нашего времени от эпохи Поздней республики сохранилась «Риторика к Гереннию» («Rhetorica ad Herennium») (начало I в. до н.э.), авторство которой долгое время приписывалось Цицерону. От периода Империи до нас дошло сочинение Марка Фабия Квинтилиана «О воспитании оратора» («Institutio oratoria») в 12 книгах, опубликованное около 95 г. н.э.

Сохранившиеся труды римских историков позднереспубликанской и императорской эпох для изучения заявленной темы имеют второстепенное значение. Среди них, в первую очередь, следует отметить произведение Гая Саллюстия Криспа «О заговоре Катилины» («De coniuratione Catilinae») (ок. 41 г. до н.э.), которое содержит ценные сведения о политической борьбе в

¹ См., напр., издания: M. Tulli Ciceronis orationum deperditarum fragmenta / Ed. G. Puccioni. Mediolani, 1963; M. Tullius Cicero. The fragmentary speeches / Ed. and comm. by J.W. Crawford. Atlanta, 1994.

Практическая значимость исследования. Материалы представленного диссертационного исследования могут быть использованы в научных исследованиях, учебных пособиях, а также при подготовке общих и специальных курсов по политической истории Римской республики и истории римского уголовного права.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (сентябрь 2012 г.), на заседании отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН (октябрь 2013 г.) и рекомендована к защите на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Результаты исследования нашли отражение в докладах автора на нескольких межвузовских, всероссийских и международных научных конференциях: XVII Сергеевские чтения (2011 г., МГУ, г. Москва); Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук (2010, 2011, 2012 гг., РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург); IV Миусские античные посиделки (2012 г., РГГУ, г. Москва); XIV Жебелёвские чтения (2012 г., СПбГУ, г. Санкт-Петербург). По материалам диссертации опубликовано восемь печатных работ общим объёмом 5,86 а.л.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, разбитых на параграфы, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы (300 наименований), а также приложения. Общий объём диссертации – 254 страницы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются предмет, цели и задачи исследования, устанавливаются хронологические и географические рамки работы. Также во введении даются характеристика использованных источников и обзор историографии по проблеме.

В первой главе диссертации **«Уголовное судопроизводство в Поздней римской республике»** приведена общая характеристика системы римского позднереспубликанского уголовного судопроизводства.

В первом параграфе «Органы уголовного суда и их состав» приводится разъяснение используемых в диссертации понятий «уголовное право», «уголовное преступление» и «уголовный суд». Автор отмечает отсутствие в латинской юридической терминологии эпохи Республики точных эквивалентов этим современным терминам. Он присоединяется к мнению ряда учёных, утверждающих, что уголовного права в современном понимании этого слова у римлян в республиканский период вообще не существовало. Отдельные элементы, которые новейшая юридическая наука относит к сфере уголовного права, включались римлянами в сферу действия права публичного (*ius publicum*). Соответственно, используя в диссертации термин «уголовное преступление», автор понимает под ним римское *«delictum publicum»*, а под уголовным судом – суд, занимающийся рассмотрением исключительно *delicta publica*. В параграфе также дан

краткий анализ системы римских органов уголовного судопроизводства в период с 78 по 49 гг. до н.э. В это время в Римской республике продолжали сосуществовать несколько видов уголовных судов. Формально высшей инстанцией, имевшей право судить римского гражданина по обвинению, угрожавшему его гражданским правам, продолжали оставаться центуриатные комиции. Однако на деле, в силу ряда причин, они практически утратили свои судебные функции. Поэтому подавляющее большинство судебных процессов по уголовным делам в данный период проходило в постоянных судебных комиссиях – *quaestiones perpetuae*. Социальный состав данных комиссий периодически изменялся, что было связано с т.н. «борьбой за суды», которая велась между сословиями сенаторов и всадников. В результате этой борьбы в 70 г. до н.э. был принят компромиссный Аврелиев закон (*lex Aurelia iudiciaria*), разделивший суды между сенаторами, всадниками и эрарными трибунами. Это разделение оставалось неизменным вплоть до конца Республики.

Второй параграф «Процедура уголовного судопроизводства в Поздней римской республике» посвящён исследованию механизмов процедуры судебного разбирательства в *quaestiones perpetuae*, анализу основных этапов уголовного процесса и рассмотрению двух противоборствующих сторон – обвинения и защиты.

Одной из наиболее существенных характеристик римского уголовного суда являлся и *accusatio* – обвинение. По обвинению, угрожавшему его гражданским правам, продолжали оставаться центуриатные комиции. Однако на деле, в силу ряда причин, они практически утратили свои судебные функции. Поэтому подавляющее большинство судебных процессов по уголовным делам в данный период проходило в постоянных судебных комиссиях – *quaestiones perpetuae*. Социальный состав данных комиссий периодически изменялся, что было связано с т.н. «борьбой за суды», которая велась между сословиями сенаторов и всадников. В результате этой борьбы в 70 г. до н.э. был принят компромиссный Аврелиев закон (*lex Aurelia iudiciaria*), разделивший суды между сенаторами, всадниками и эрарными трибунами. Это разделение оставалось неизменным вплоть до конца Республики.

Помимо защитника, сторону подсудимого представляли «заступники» (*advocati*) и «хвалители» (*laudatores*).

Одной из наиболее существенных характеристик римского уголовного суда являлся и *accusatio* – обвинение. По обвинению, угрожавшему его гражданским правам, продолжали оставаться центуриатные комиции. Однако на деле, в силу ряда причин, они практически утратили свои судебные функции. Поэтому подавляющее большинство судебных процессов по уголовным делам в данный период проходило в постоянных судебных комиссиях – *quaestiones perpetuae*. Социальный состав данных комиссий периодически изменялся, что было связано с т.н. «борьбой за суды», которая велась между сословиями сенаторов и всадников. В результате этой борьбы в 70 г. до н.э. был принят компромиссный Аврелиев закон (*lex Aurelia iudiciaria*), разделивший суды между сенаторами, всадниками и эрарными трибунами. Это разделение оставалось неизменным вплоть до конца Республики.

Однако именно в постсулланскую эпоху подобные злоупотребления получают чрезвычайно широкое распространение. К этому периоду относится принятие ряда постановлений сената и целой группы законов, направленных против нарушений на выборах: *lex Calpurnia* (67 г. до н.э.), *lex Tullia* (63 г. до н.э.), *lex Fabia de numero sectatorum* (не позднее 62 г. до н.э.), *lex Licinia de sodaliciis* (55 г. до н.э.), *lex Pompeia* (52 г. до н.э.). Несмотря на отсутствие сохранившихся текстов законов *de ambitu* республиканской эпохи, фрагментарность и противоречивость данных литературной традиции, общая тенденция развития уголовного законодательства о подкупе вырисовывается достаточно чётко. Во-первых, это ужесточение наказаний; во-вторых, распространение их не только на уличённых кандидатов, но и на других замешанных в подкупе лиц, таких как раздатчики-*divisores*. Однако по мере того, как законы *de ambitu* становились всё более суровыми, в обществе нарастала и ответная реакция: признавая в принципе необходимость борьбы с подобными злоупотреблениями, определённая часть римской элиты считала применяемые меры чересчур суровыми и не соответствующими тяжести проступка. Вместе с тем эффективность нового законодательства *de ambitu* оставляла желать лучшего. Вплоть до падения Римской республики искоренить подкуп избирателей так и не удалось, и это явление, хотя и в несколько других формах, продолжало существовать в эпоху Принципата.

Второй параграф «Позднереспубликанское законодательство по делам о вымогательстве (*de repetundis*) и о насильственных действиях (*de vi*)» посвящён исследованию сразу двух групп уголовных законов – о вымогательстве и о насильственных действиях.

Судебная комиссия для разбора дел о вымогательстве (*quaestio de repetundis*) возникла первой из всех *quaestiones perpetuae*, ещё в 149 г. до н.э., и на протяжении долгого времени она оставалась единственной постоянной уголовной комиссией. Главной целью законодательства *de repetundis*, с точки зрения автора, было предоставить провинциалам возможность судебной защиты против злоупотреблений римских наместников. Диктатор Сулла, проводя свои судебные преобразования, также внёс закон о вымогательстве (скорее всего, в 81 г. до н.э.), который действовал в течение двух десятилетий. Ему на смену пришёл новый закон, принятый в августе или сентябре 59 г. до н.э. по инициативе Гая Юлия Цезаря (*lex Iulia de repetundis*). Весьма вероятно, что Цезарь при разработке своего законопроекта опирался на закон Суллы, но существенно переработал и расширил его. Законодатель стремился не только обеспечить надёжную судебную защиту пострадавшим провинциалам, но и предотвратить злоупотребления, совершаемые римскими наместниками, установив чёткие границы их прав и полномочий. Закон Юлия о вымогательстве оказался настолько удачным, что, с некоторыми изменениями и добавлениями, он продолжал действовать несколько столетий. Высоко оценивали его и современники. По мнению автора, это лишний раз свидетельствует о том, что Юлиев закон о вымогательстве 59 г. до н.э., в отличие от многих других уголовных законов того периода, не нёс в

себе следов политической ангажированности, не принимался в угоду сиюминутным обстоятельствам, но действительно имел своей целью борьбу с коррупцией в целом и улучшение ситуации с управлением провинциями – в частности.

В отличие от законов *de ambitu* и *de repetundis*, законодательство о насильственных действиях (*de vi*) появляется в Римской республике довольно поздно, лишь в последние десятилетия её существования, поскольку ранее в таком суде ещё не было необходимости. В предшествующую эпоху римской истории уличные беспорядки, массовые драки и физическое насилие, разумеется, имели место, но то были единичные, сравнительно редкие случаи. После Суллы целая волна таких преступлений накрывает Рим; они становятся одним из важных инструментов политики и порой парализуют нормальную жизнь города. Это обстоятельство вынуждает искать хоть какие-то средства борьбы с подобными негативными явлениями.

Общим законом о насильственных действиях на всём протяжении Республики был закон Плавция (*lex Plautia*, или *Plotia*). Автор, вслед за Дж. Хоу, датирует его принятие временем между 65 и 63 гг. до н.э. Помимо этого, в экстраординарных обстоятельствах несколько раз принимались специальные законы *de vi*, учреждавшие чрезвычайные уголовные трибуналы для рассмотрения особенно громких дел (восстание Лепида, убийство Публия Клодия): *lex Lutatia* 78 г. до н.э. и *lex Pompeia* 52 г. до н.э. В сферу действия закона Плавция входили как насильственные действия, совершённые в отношении частных лиц (*vis privata*, *vis contra privatos*), так и преступления против общественного порядка (*vis publica*, *vis contra rem publicam*). Однако следует признать, что попытки помешать отдельным честолюбивым политикам (типа Клодия) использовать насилие как политический инструмент путём принятия специального законодательства *de vi* провалились.

В третьей главе диссертации **«Судебные процессы в комиссии по делам об оскорблении величия римского народа (*quaestio de maiestate*): пример использования уголовного суда в политических целях»** анализируются некоторые конкретные уголовные процессы по обвинению в оскорблении величия римского народа.

В первом параграфе «Понятие «*maiestas*» и уголовное законодательство по делам об оскорблении величия римского народа (*crimina minutae maiestatis*)» даётся краткая характеристика такого понятия как «величие» («*maiestas*») и анализируется республиканское уголовное законодательство для борьбы с преступлениями, умаляющими (или оскорбляющими) величие.

В вопросе об определении римского понятия «величие» автор придерживается классификации немецкого исследователя Э. Поллака. Согласно мнению этого учёного, «*maiestas*» есть атрибут, присущий: 1) богам (*m. deorum*); 2) римскому народу в целом (*m. populi Romani*; *m. Romani*

nominis); 3) сенаторам (m. patris; m. paterna); 4) римским магистратам (m. magistratus); 5) принцепсу (m. principis; m. Caesaris). Также «maiestas» может употребляться само по себе, как абстрактное понятие. При этом величие признавалось не только за римским государством и за римским народом, но также за иноземными государствами и правителями, даже враждебными Риму. Первоначально понятие «maiestas» являлось прежде всего сакральной и моральной категорией. Как юридический термин это слово впервые стало использоваться только в начале II в. до н.э. в сфере международного права. И лишь на рубеже II-I вв. до н.э. понятие «maiestas» постепенно входит в область публичного права; в это же время возникает и термин, обозначающий преступление против величия, – *crimen minutae maiestatis*. Под ним могло пониматься любое действие (или бездействие), которое повлекло за собой нанесение ущерба, причём как материального, так и морального, для римского государства либо его должностных лиц.

Проблема возникновения законодательства *de maiestate* остаётся в историографии во многом дискуссионной, что связано со скудостью и фрагментарностью источниковой базы и противоречивостью сведений литературной традиции. Вслед за подавляющим большинством исследователей, автор считает первым законом об оскорблении величия Аппулеев закон (*lex Appuleia de maiestate*), который был принят в 103 или 100 г. до н.э. по инициативе народного трибуна Луция Аппулея Сатурнина. Он, очевидно, не давал чёткого определения понятию «умаление величия» и допускал относительно свободное его толкование. Следующим законом, направленным на борьбу с преступлениями против величия, являлся закон Вария (*lex Varia*) 91 или 90 г. до н.э., принятие которого напрямую связано с событиями Союзнической войны. Автор примыкает к закрепившемуся в историографии мнению, согласно которому Вариев закон был специальным законом, который предусматривал создание особой судебной комиссии для разбора дел лиц, обвинённых в подстрекательстве к мятежу италийских союзников Рима. В содержательном плане между законами Аппулея и Вария едва ли существовала ощутимая разница. Мотивы внесения и принятия нового закона *de maiestate* были не юридическими, а исключительно политическими.

При Сулле был принят новый Корнелиев закон (*lex Cornelia de maiestate*), который пришёл на смену Аппулееву и который продолжал действовать вплоть до падения Республики. Весьма вероятно, что закон Суллы включал в себя многие положения предшествующих законов об оскорблении величия. С точки зрения ряда учёных, Сулла вообще впервые учредил постоянную судебную комиссию *de maiestate*, однако автор склоняется к мнению, что последняя была создана ещё по закону Аппулея, а диктатор лишь реформировал её деятельность.

Во втором параграфе «Судебные процессы над народными трибунами Гаем Манилием и Гаем Корнелием (66-65 гг. до н.э.)» рассматриваются сразу три громких уголовных процесса середины 60-х гг. до н.э. В качестве

подсудимых на них выступали два бывших народных трибуна – Гай Корнелий (занимал эту магистратуру в 67 г. до н.э.) и Гай Манилий (в 66 г. до н.э.). Традиционно в историографии оба они не рассматриваются как сколько-нибудь самостоятельные политические фигуры. И Корнелий, и Манилий считаются «помпеянскими» трибунами, и едва ли не за всеми их действиями исследователи видят «руку Помпея».

Однако, как показывает внимательный анализ конкретных обстоятельств, связанных с деятельностью Гая Манилия, этот человек отнюдь не был послушным орудием в руках могущественного Помпея, как принято считать в историографии. Его действия во время трибуната на первых порах отличались известной самостоятельностью. Манилий обратился к Помпею потому, что над ним нависла угроза уголовного преследования; он искал у Магна поддержки против своих могущественных врагов из лагеря нобилитета. С его стороны это был, прежде всего, тактический ход. Однако и это не спасло бывшего трибуна от осуждения по обвинению в оскорблении величия в 65 г. до н.э. После этого имя Гая Манилия навсегда исчезает с политической сцены Республики; о дальнейшей его судьбе нам ничего неизвестно.

С другой стороны, народный трибун 67 г. до н.э. Гай Корнелий, несомненно, был куда более близким к Помпею человеком. В период своего пребывания в должности он действовал не менее активно и энергично, чем Гай Манилий. С его именем ассоциируется целый ряд громких законопроектов, вызвавших очевидное неудовольствие нобилитета. По окончании срока своего трибуната Корнелий дважды был привлечён к суду по обвинению в преступлении против величия. Атаку против Корнелия, на взгляд автора, нужно рассматривать, во-первых, как месть со стороны сенатской верхушки за законопроекты, внесённые тем в период своего трибуната, а во-вторых (и здесь можно провести аналогию с судом над Манилием), – как косвенный удар по Помпею, который сам был пока недостижим для своих врагов. Первый процесс над Корнелием в 66 г. до н.э. был сорван насильственными действиями наёмных банд. Второй процесс состоялся в 65 г. до н.э. и закончился оправданием подсудимого. Причинами такого исхода стали, по всей видимости, поддержка со стороны друзей Помпея, а также, выражаясь современным языком, «имидж» Корнелия как более умеренного и здравомыслящего политика, умеющего вовремя остановиться.

Третий параграф «Судебный процесс над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой в 59 г. до н.э.» посвящён делу консула 63 г. до н.э. и проконсула Македонии в 62-60 гг. до н.э. Гая Антония Гибриды. Гай Антоний, несмотря на свою неоднозначную репутацию, занимал достаточно видное положение на политической сцене Республики. Вместе с Цицероном он был избран консулом на 63 г. до н.э. Этот год, как известно, вошёл в историю Рима как год заговора Катилины и блестящего триумфа Цицерона, который сыграл решающую роль в его подавлении. При этом Гай Антоний

остался в тени замечательных успехов своего коллеги. Более того: прежние связи с Катилиной и плохая репутация подпитывали подозрения в его тайном соучастии в заговоре. Тем не менее, с началом открытого мятежа Антонию было предоставлено командование войсками, выдвинутыми против Катилины. После победы он был официально провозглашён императором, а его фасции увиты лаврами.

В 62 г. до н.э., сразу после окончания своих консульских полномочий, Гай Антоний отправился в Македонию в качестве проконсула. Управляя своей провинцией, он снова «прославился» грабежами и бесчинствами, а также позорными военными поражениями. По возвращении в Рим Антоний в начале 59 г. до н.э. был привлечён к суду, осуждён (несмотря на защиту самого Цицерона) и отправился в изгнание. Вопрос о том, в какой именно уголовной комиссии рассматривалось дело Антония, неясен, однако, исходя из данных источников, наиболее вероятно, что это была комиссия *de maiestate*.

Политический подтекст в деле Гая Антония несомненен, и именно он, по мнению автора, сыграл ключевую роль. С большой долей уверенности можно утверждать, что за обвинением Антония стояли триумвиры. Наиболее ясно проглядывает участие в этом деле Помпея и Цезаря, о каком-либо влиянии Красса чётких свидетельств нет. Кроме того, о закулисном влиянии триумвиров может свидетельствовать также анализ связей тех лиц, которые были в той или иной степени вовлечены в этот процесс. Гай Антоний лично не был опасен для триумвиров. Он не примыкал ни к какой политической группировке, не отличался твёрдыми моральными принципами; все его действия в предыдущие годы были направлены исключительно на достижение личной выгоды. Однако Антоний – представитель нобилитета, но человек весьма сомнительной репутации – оказался подходящей жертвой для своеобразной политической демонстрации могущества триумvirата. Кроме того, уголовное преследование Гая Антония, официально провозглашённого победителем Катилины, можно рассматривать также как ещё один косвенный удар по Цицерону и попытку пересмотра памятных событий 63 г. до н.э.

В четвёртом параграфе «Судебный процесс над Авлом Габинием в 54 г. до н.э.» исследуются обстоятельства процесса против консула 58 г. до н.э. Авла Габиния.

Авл Габиний является, пожалуй, одним из наиболее примечательных соратников Гнея Помпея на всём протяжении 60-50-х гг. до н.э. Опытный военный, он около девяти лет провёл в действующей армии и не раз выполнял самые ответственные задания. Помимо боевых заслуг, Габиний довольно ярко проявил себя и на политическом поприще, дав своё имя сразу нескольким законам.

Несмотря на недюжинные способности, Авл Габиний, возможно, и не добился бы в своей карьере таких высот, если бы не принадлежность к группировке Помпея. По-видимому, дружеские отношения между Помпеем и

Габинием установились в период их службы у Суллы. Начиная с 67 г. до н.э. эти два политических деятеля действуют в тесной связке друг с другом. Вершины своей политической карьеры Авл Габиний достигает лишь после образования первого триумvirата. В 58 г. до н.э. он избирается консулом вместе с Луцием Кальпурнием Пизоном. По окончании своих консульских полномочий Авл Габиний согласно закону, внесённому народным трибуном Публием Клодием, получил в качестве провинции Киликию, которая была затем заменена на Сирию.

В течение трёх лет (57-55 гг. до н.э.) проконсульства, Габиний проявил себя весьма деятельным наместником и толковым администратором. Однако многие его действия в провинции (в первую очередь, борьба со злоупотреблениями римских публиканов и экспедиция в Египет с целью вернуть трон царю Птолемею XII Авлету) вызвали в Риме весьма неоднозначную реакцию. В 54 г. до н.э., сразу по возвращении из Сирии, Авл Габиний был привлечён к суду по обвинению в оскорблении величия. С точки зрения автора, за атакой на Габиния стояли, по меньшей мере, две силы. Во-первых, это римские всадники-публиканы, которые вели дела в Сирии и которые, несомненно, понесли серьёзные убытки из-за принципиальности бывшего наместника. Во-вторых – оптиматы, предпринявшие в тот период наступление на политических союзников триумvirов, – не менее семи из них в 54 г. до н.э. были привлечены к суду.

Небольшим перевесом голосов судей Габиний был оправдан. Тем не менее, его недругам удалось-таки добиться своего. Вскоре после своего оправдания в комиссии об оскорблении величия Габиний, которого на сей раз защищал Цицерон, был осуждён по закону Юлия Цезаря о вымогательстве за то, что принял взятку от Птолемея Авлета в обмен на восстановление египетского царя на престоле.

В заключении подводятся основные итоги диссертационного исследования, а также суммируются конкретные выводы, полученные в соответствующих главах и параграфах.

Использование уголовного суда в качестве средства давления или устранения своих противников имело давнюю традицию в политической культуре Римской республики. Создание после 149 г. до н.э. постоянных судебных комиссий (*quaestiones perpetuae*) ещё более способствовало возрастанию значения уголовных судов как политического инструмента. Однако массовый характер использование в политических целях уголовных судебных процессов приобретает лишь в постсулланскую эпоху.

Уголовные суды в период Поздней республики находились в руках высших слоёв римского общества, его политической и экономической элиты. Представители этой элиты составляли и значительную долю подсудимых. Кроме того, предметом рассмотрения в *quaestiones perpetuae* были не уголовные преступления в современном значении этого слова, а *delicta publica*, т.е. деяния, затрагивающие интересы государства и общества в целом. В результате очень многие уголовные судебные процессы в

позднереспубликанский период неизбежно должны были нести на себе отпечаток политических интриг, чему отчасти способствовали особенности процедуры судебного разбирательства в *quaestiones perpetuae* (институт частного обвинения; состязательность процесса; отсутствие строгих стандартов доказательства вины; несовершенство системы расследования преступлений и некоторые другие). Публичность, сопровождавшая громкие уголовные процессы, повышала общественный интерес к ним, так что некоторые суды превращались чуть ли не в политические демонстрации (например, суд над Милоном в 52 г. и др.).

О том, насколько важное место римляне отводили уголовному законодательству и уголовным судам в политической борьбе, свидетельствует также тот факт, что принятие практически любого уголовного закона сопровождалось упорной борьбой между различными политическими силами. Принятие, или же непринятие таких законов зависело скорее от сложившейся в данный момент политической ситуации, чем от соображений заботы об улучшении системы уголовного судопроизводства в целом. Наиболее показательна в этом отношении эволюция позднереспубликанского законодательства о подкупе избирателей (*de ambitu*). Необходимость борьбы с этим негативным явлением признавалась почти всеми представителями римской элиты. Однако принятие тех или иных конкретных мер зачастую диктовалось, прежде всего, сложившейся политической обстановкой. Один из наиболее показательных примеров такого рода – события, связанные с принятием в 64 г. до н.э. сенатусконсульта о борьбе с подкупом избирателей, направленного *ad hominem* против Луция Сергия Катилины и Гая Антония Гибриды, бывших тогда соискателями консульства.

Наиболее тесно из всех постоянных судебных комиссий с политикой была связана комиссия об оскорблении величия (*quaestio de maiestate*), так как преступления, которые попадали под её юрисдикцию, сами по себе носили политический характер. При этом само понятие преступления против величия римского народа было довольно расплывчатым и оставляло место для различных толкований. Примером этого могут служить, в частности, два судебных процесса над народным трибуном 67 г. Гаем Корнелием. Действия Гая Корнелия, строго говоря, не попадали под действие сулланского закона *de maiestate*, что не помешало его обвинителям привлечь бывшего трибуна к суду, ссылаясь не на букву, а на дух закона. Представляется, именно эта неопределённость и привела к тому, что судебных процессов по обвинению в оскорблении величия в постсулланский период было крайне немного: до нас дошли сведения лишь о восьми, из которых только четыре закончились обвинительными приговорами.

Однако, отмечая ту, несомненно, значимую роль, которую уголовные суды играли в политической борьбе в данный период, её всё же нельзя переоценивать. Нельзя не отметить, что уголовному преследованию в данный период подвергались почти исключительно второстепенные

политические деятели; признанным лидерам Республики враги решались наносить лишь косвенные удары, привлекая к суду их родичей, друзей, соратников и т.п. Предпринимаемые некоторыми исследователями просопографического направления попытки определить состав римских политических группировок, опираясь на информацию о том, кто на чьей стороне выступал в том или ином громком судебном процессе, не всегда правомерны и часто обречены на неудачу. В частности, Цицерон неоднократно защищал в суде тех людей, политические симпатии которых он не разделял и с которыми до этого не раз конфликтовал (среди них, например, Гай Антоний и Авл Габиний). Иногда политическое значение уголовного процесса, даже если оно и не бросалось в глаза, специально подчёркивалось стороной обвинения или защиты в своих целях. Сами суды, начиная с 60-х гг. до н.э., также стали всё чаще подвергаться внешнему воздействию. Подсудимые начинают использовать наёмные банды для того, чтобы срывать судебные заседания, оказывать физическое и моральное давление на судей и обвинителей. Яркими примерами этого могут служить процессы над Гаем Манилием и Гаем Корнелием в 66-65 гг. Отнюдь не всегда виновные в подобных действиях привлекались к ответственности.

В приложении к диссертации приводится составленный автором перечень всех известных судебных процессов по обвинению в оскорблении величия, имевших место в 78-49 гг. до н.э. (с ссылками на источники). Кроме того, в приложение включён выполненный автором перевод с латинского на русский язык «Комментария» к речи Цицерона «За Корнелия по делу об оскорблении величия», принадлежащего римскому писателю I в. н.э. Квинту Асконию Педиану.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных работах автора:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Хрусталёв В.К.* К вопросу о суде над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой в 59 г. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. №1. С. 49-61. 1 а.л.
2. *Хрусталёв В.К.* Борьба с недобросовестными обвинителями в уголовных судах Поздней римской республики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10. Ч. II. С. 212-215. 0,45 а.л.
3. *Хрусталёв В.К.* Судебный процесс по обвинению в оскорблении величия над Авлом Габинием, консулом 58 г. до н. э. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 5 (21) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных

